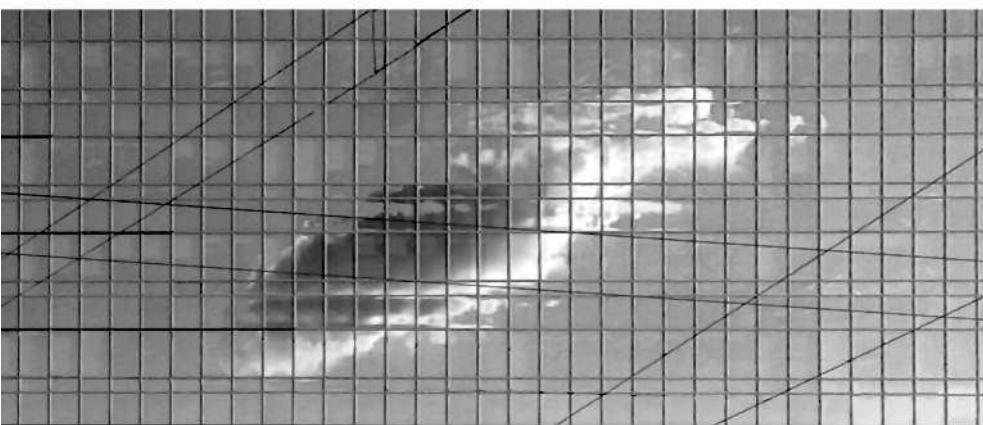


БОЛЬШАЯ
ЛИТЕРАТУРА

АЛЕКСЕЙ
МАКУШИНСКИЙ

АЛЕКСЕЙ МАКУШИНСКИЙ

ОСТАНОВЛЕННЫЙ
МИР



Москва
2018

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М17

Художественное оформление серии
Алексея Дурасова

МАКУШИНСКИЙ, АЛЕКСЕЙ.

М17 Остановленный мир / Алексей Макушинский. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 800 с.

ISBN 978-5-04-091926-0

Любовь, дзен-буддизм, искусство фотографии... Четвертый роман Алексея Макушинского, продолжающий его предыдущие книги, показывает автора с неожиданной стороны. Мир останавливается – в медитации, в фотокадре – и затем опять приходит в движение. Герои не прекращают свои духовные поиски. Но приходят ли они к какому-нибудь итогу, и если да, то к какому? Полный дзен-буддистских загадок и парадоксов, этот роман сам по себе парадокс и загадка.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091926-0

© Макушинский А., 2018
© Оформление. 000 «Издательство «Э», 2018

Время течет из настоящего в прошлое.

Доген Дзендзи

Предуведомление

Все персонажи этой книги (включая автора) вымышлены; все совпадения с реальными (что бы сие ни означало) людьми случайны. Для удобства чтения в конце книги помещен маленький словарь буддистских (или, скажем, родственных буддистским) имен и понятий, встречающихся в тексте. Сегодня счастливый день.

Часть первая,

где больше всего говорится
обо мне самом

О нашей мысли обольщение,
Ты, человеческое Я...

Тютчев

Всеобщая связь вещей

Все как-то связано в мире, но мы не знаем, конечно, как. Мы чувствуем, что все как-то связано в мире, что все со всем соотносится, одно отзывается в другом и перекликается с третьим — слова, и поступки, и события, и воспоминания, и то, что было, и то, чего не было, — но эта связь ускользает от нас, манит нас, не дается нам в руки. Вот-вот, нам кажется, мы поймем — поймем! — самое для нас важное, то, что нам так нужно — всего нужнее! — понять, поймать, ухватить; а все же (как, бывает, во сне догоняешь и догоняешь кого-то: он поворачивает за угол — и ты поворачиваешь за угол; он в переулок — и ты в переулок; но там лишь влажная мгла, мерцание фонарей...) — все же это *вот-вот* так никогда и не превращается в окончательное, однократное *вот*, разрешающее наши сомнения, наши мучения.

Вейль-на-Рейне

Так думал я по дороге в Вейль-на-Рейне, крошечный городишко в нижнем левом углу немецкой карты, на самой границе Германии со Швейцарией и с Францией; городишко, примечательный этим своим положением на стыке трех стран, примечательный еще кое-чем — пешеходно-велосипедным

Алексей Макушинский

мостом, например, соединяющим Францию и Германию на зависть и на виду у Швейцарии; великолепным, арочным, велосипедно-пешеходным мостом, возведенным в 2006 году по проекту австрийского, в Париже живущего архитектора Дитмара Фейхтингера инженерным бюро «Леонгард, Андрэ и партнеры» (бюро, которое после войны основал Фриц Леонгард, знаменитый инженер, построивший, среди прочего, первую в мире бетонную телебашню — штуттгартскую; потом телебашню франкфуртскую; приложивший руку и к созданию Останкинской). Был вечер, когда я добрался до места моего назначения; шел мелкий, тихий, почти по-летнему теплый, осенний дождик; и с немецкого, и с французского берегов, с пришвартованных возле моста пароходов доносились пьяный гогот, пьяные крики. Стальная арка заливчатой дугой выгнута над собственно мостом (тем, по которому едут велосипеды, идут пешеходы), причем высшая точка этой дуги находится не посередине, но ближе к французскому берегу, на месте, если я правильно увидел и понял, золотого сечения, что, конечно, и придает всей конструкции ее спокойную элегантность; дождевые тонкие струи стальным блеском отсвечивали, попадая в лучи прожектора, установленного на одном из ребер моста и направленного почему-то в швейцарскую сторону; отсвечивая, становились стрелами; становились подвижной стеною посланных с неба стрел. Французский берег казался еще темнее, пустее немецкого; идти по нему было некуда; были только далекие, редкие огни по эту и по ту сторону Рейна, потерянные в пространстве; и огни береговые, ближние, дробившиеся в черной воде; был сонный плеск этой черной воды, к которому я долго прислушивался, прежде чем перейти обратно на немецкую сторону, возвратиться в гостиницу. Гостиница, где я заранее забронировал номер, оказалась громадной, у грохочущей автострады,

одной из тех беспробудных в своей анонимности громадных гостиниц (с вихрясто-морскими пейзажами на грязно-желтых стенах гулких горестных коридоров и этими особенно ненавистными мне плечиками в затхло-пахучих шкафах; плечиками, или распялками, как в моем детстве их называли, надетыми не на обычный, соприродный человечеству крюк, а на мерзкий тоненький штырь, вставляемый в особую прорезь на изломе крыши затхло-пахучего шкафа — чтобы забывчивый или жадный до чужого добра путешественник не прихватил с собой гостиничную грошовую собственность); одной из тех издалека, марсианским светом, светящихся многоэтажных гостиниц, куда автобусами завозят туристские галдящие группы, чтобы они там погоготали у стойки бара, выдыхались в климатизированных комнатах, смели, умяли и слопали все великолепные ветчины, и все кровавые, и менее кровавые, и просто кровавые колбасы, и все сорта сыра, и вообще весь раблезианский завтрак, расставленный на шведском столе, и отправились дальше, в ту абстрактную даль, в которую всегда едут такие группы, неизвестно куда, непонятно зачем; с трудом изъяснявшаяся по-немецки, из Албании или Румынии завезенная косоглазая девушка, выдавшая мне ключ от номера, попросила меня не спускаться к завтраку до половины девятого, до тех пор, пока все автобусы, все туристы не уедут в свое никуда. Кровать была широкая, плохая, бугристая. Кондиционер свистел и стремился надуть мне в ухо простуду. Выключить его было нельзя, потому что нельзя было оставить открытым окно; автострадный грохот обрушивался на меня всякий раз, когда я это окно открывал. Я спал все-таки совсем неплохо в ту ночь, к собственному своему удивлению; и уже заканчивал наутро поедание ветчин, колбас и омлета, когда по мобильному телефону позвонила мне моя старинная франкфуртская приятельница, скажем так,

Тина Р., спросившая меня, не знаю ли я, где Виктор, наш общий, так скажем, приятель, где он и что с ним, поскольку он, Виктор, не подает о себе вестей, на ее звонки не отвечает и она вдруг начала беспокоиться. Я думал, что вы расстались, сказал я. Они расстались, но она все равно беспокоится. Я не знал ни где Виктор, ни что с ним. Я ответил, что я сам сейчас в Вейле-на-Рейне, как раз заканчиваю поедание раблезианского завтрака и отправляюсь осматривать разнообразные здания, построенные фирмой «Витра» на своей территории, ради чего, собственно, сюда и приехал, поскольку, как она, Тина, может быть, слышала, фирма «Витра», вообще-то занимающаяся изготовлением модельной мебели в частности, и в первую очередь стульев, устроила на своей территории что-то вроде игровой площадки для современной архитектуры, представленной такими замечательными, дорогими сердцу любого архитектурного *фрика* именами, как Фрэнк Гери, Заха Хадид, Ричард Фуллер... Ты, значит, ничего не слышал о Викторе? — Нет, ничего. — Она бывала в «Витре», — сообщила после недолгой паузы Тина, — даже делала там фотографии для одного журнала, давно это было. Ей надо убежать; она желает мне приятной поездки. Жаль, сказал я, что мы не можем провести этот день вместе, пофотографировать вместе. У тебя хоть штатив-то с собой? — спросила она на это. Штатив, — сказал я, — у меня всегда с собою; всегда лежит в багажнике, дожидаясь своей минуты.

«Витра»

Как-то все связано в мире, каким-то образом все со всем соотносится. Я чувствовал, удивляясь себе, ничем не оправданную и ни на чем не основанную ответственность за этого Виктора М., десять, нет, уже двенадцать лет назад учившегося у меня в Эйхштеттском Католическом университете;

и вовсе не потому чувствовал ответственность за него, что десять и двенадцать лет назад он посещал мои семинары по русской истории, сдавал экзамены и писал курсовые работы, но потому что это я, не кто-нибудь, в свое время познакомил его, причем совершенно случайно, в электричке, по дороге из Кронберга во Франкфурт, с только что позвонившей мне Тиной, я же дал ему и адрес буддистского центра в Нижней Баварии, то есть, думал я, подъезжая к «Витре», невольно оказался причиной неких, в его жизни, похоже, важнейших событий и отношений, притом что сам я не так уж с ним и часто встречался и никакой особенной роли в моей собственной жизни он никогда не играл, до сих пор не играет. Ему вообще свойственно исчезать, думал я; он, конечно, найдется... Еще я думал о том, что вот, увы, роман, все последнее время меня занимавший — «Пароход в Аргентину», — роман, посвященный, среди прочего, вполне удивительным, намекающим на какие-то скрытые от глаз смыслы и соразмерности эпизодам из жизни великого русско-балтийско-аргентинско-французского архитектора Александра Николаевича Воскобойникова, более известного просвещенному человечеству под своим галлицизированным именем *Alexandre Vosco*, — что роман этот, к моему счастью и несчастью, закончился, что он, в общем, дописан, доделан и что еще я езжу, по инерции, по Европе в поисках архитектурных впечатлений, источников вдохновения, но что уже нужно — не выдумывать (выдумать их нельзя, как бы ни хотелось их выдумать) другую историю, других персонажей, — нужно просто ждать (и неизвестно еще, как долго ждать), чтобы они сами во мне появились, склубились, обрели черты, и ожили, и заговорили со мной и друг с другом. Почти не было машин на стоянке; был туман, понемногу и нехотя поднимавшийся над зелеными скатами окружающих холмов. Я набрал номер

Викторова мобильного; он не ответил. Чуть-чуть, помнится, болела у меня голова, да и живот не радовался пантагрюэ-левым яствам... Пишущий человек в одиночестве никогда не бывает, говорит Поль Валери. Подозреваю, что и люди, ничего не пишущие, в одиночестве бывают довольно редко. Одиночество обращает нас к тому, что есть, к настоящему. А настоящее трудно, настоящее требует усилий. Куда как проще предаваться фантазиям, воображать себе будущее, воображать себя в будущем... Я показывал призрачному кому-то эти замечательные здания, собранные фирмой «Витра» на клочке прирейнской, еще германской, почти швейцарской земли; так показывал их кому-то, как если бы я уже знал их, уже бывал здесь (хотя был здесь впервые), как если бы то *сейчас*, в котором я осматривал их один, уже отодвинулось в прошлое, а наступило в самом деле будущее, легкое будущее, в котором я и показывал их кому-то — не вообще кому-то, но (так мне помнится, хотя уверенности у меня нет: статисты наших мечтаний взаимозаменяемы, призрачны и прозрачны), — именно этому Виктору, Виктору М., которому только что пытался я дозвониться (потому, наверное, и показывал ему все это, что пытался дозвониться ему, значит, думал о нем) и которого при этой воображаемой прогулке с ним по территории фирмы «Витра» в Вейле-на-Рейне я никак не представлял себе, поскольку мое внимание было в первую очередь сосредоточено на том, что я видел вокруг, но которого я теперь, вспоминая и сочиняя, вижу довольно отчетливо, как (вновь скажу) если бы он и вправду шел в тот день со мной рядом (в той брезентовой, ложноохотничьей и подлинно пижонской темно-зеленой куртке Barbour, в которой ходил он все последние франкфуртские годы, и в вязаной бордовой шапочке с помпончиком, не просто дисгармонизировавшей с курткой от Barbour, но словно издевавшейся над этой курткой и еще

над чем-то, над кем-то; шапочке, в свою очередь, служившей предметом Тининых, поначалу совсем, затем все менее беззлобных издевательств; ему же, Виктору, служившей для прикрытия буддистской синевы его голого черепа, после исчезновения тех очень русских, прямо каких-то рязанских — при том, что он был чисто питерского, еврейско-чухонского, как выражался сам, происхождения — кудрей, которыми так забавно и трогательно тряс он в эпоху нашего с ним первого, эйхштеттского, знакомства...) — как если бы он и вправду шел в тот день рядом со мною, от стоянки к так называемому «Витра-Хаусу», предназначенному для продажи продуктов фирмы (стульев, столов и диванов, ламп, торшеров и стульев снова, стульев еще раз) и построенному базельским архитектурным бюро «Герцог и де Мерон» (славным, среди прочих своих достижений, тем, что спроектировало к чемпионату 2006 года мюнхенский, на всю округу светящийся стадион) в виде поставленных друг на друга под неожиданными углами продолговатых, без окон, но с застекленными прозрачными торцами домов (так скомпонованных, что получается здание сновидческое, с завитками лестниц, сводами переходов) — домов намеренно обыкновенных, какими дети рисуют их (с торца глядячи: квадрат и над ним треугольник), домов (я насчитал их двенадцать), напомнивших мне (что тут же я и сказал моему бесплотному спутнику) какие-то дачные домики, так называемые «финские домики» моего детства, совсем не такие новые, не такие шикарные, но такие же продолговатые, с такими же треугольными крышами, домики, понятное дело, стоявшие не друг на дружке, но мирно и просто, на соседних участках, за облезло-зеленым штaketником бесчисленных подмосковных заборов. Все ведь связано в жизни, хоть мы и не знаем как... Мы чувствуем эту связь, говорил я сам себе и кому-то (Виктору или не Виктору), иногда, в

наши лучшие мгновения чувствуем ее очень остро — и сами не понимаем, что нам с ней делать, и потому идем просто дальше, от «Витра-Хауса» к небольшому, безумному, разлетающемуся в разные стороны Музею дизайна Фрэнка Гери, где быстро обходим неинтересную выставку каких-то, опять же, лампочек, ламп и торшеров и покупаем билет на ближайшую экскурсию, позволяющую проникнуть на территорию собственно фирмы, посмотреть другие достопримечательности.

Гете, диалоги с теньями

Мне казалось в молодости, что эта склонность нашего ума к диалогам с теньями есть его роковой изъян, род болезни, то ли моей особенной и личной, то ли какой-то общечеловеческой болезни, до сих пор не описанной; и я только диву давался, почему о ней не кричат на всех углах и во всех переулках; велико же было мое изумление и велика моя радость, когда я прочитал в «Поэзии и правде», что и самому Гете было свойственно вести в уме (im Geiste) долгие разговоры со своими знакомыми (которые весьма и весьма удивились бы, расскажи им кто-нибудь, что он, Гете, вызывает их духи и призраки для идеальной беседы). Из этих бесед вырос «Вертер»; монологи автора превратились в письма героя... В «Вертере» ответы отсутствуют; наши внутренние собеседники, как правило, неразговорчивы. Это мы говорим перед покорной публикой, иногда говорим вразумительно, вдохновенно, сами удивляясь, может быть, необыкновенным мыслям, приходящим нам в голову, иногда нисколько не вразумительно, не в силах остановиться, повторяя одно и то же, теряя нить своих разглагольствований, да и сами теряясь в неподвластных нам, мерзко взвихренных словах и речах.

Бетон, приближение

Воображаемый Виктор исчез, когда экскурсия началась. Уже не я показывал в мечтах о будущем эти здания, шедевры (совсем-шедевры или все-таки-не-совсем-шедевры) современной архитектуры, но мне показывали их наяву, в настоящем. В настоящем и наяву показывала их мне и рассказывала о них (по-английски; немецкой экскурсии пришлось бы ждать часа полтора) белокурая, стройная и вообще прелестная девушка в цветастой юбке, черных, вылезавших из-под юбки рейтузах, черной же майке под белой курточкой; девушка, так хорошо, с таким легким, таким едва уловимым славянским акцентом говорившая по-английски, что я только под конец экскурсии признал в ней соотечественницу; уже мы полюбовались музеем Фрэнка Гери и герцог-де-мероновским «Витра-Хаусом» в других ракурсах и с другой стороны, уже постояли возле крошечной заправочной станции Жана Пруве, уже прошли мимо кирпичного, плоского и словно намеренно никакого фабричного здания, которое на месте похожего и когда-то сгоревшего построил не менее всех прочих знаменитый португальский архитектор Альваро Сиза Вейра, уже осмотрели со всех сторон, изнутри и снаружи, пресловутую пожарную часть (едва ли, с туристической точки зрения, не главный аттракцион «Витры»), тоже, как и более поздний музей Фрэнка Гери, во все стороны разлетающаяся, из тупых и острых углов, косых плоскостей, изгибов, изломов составленную пожарную часть (никаких пожарных в ней давно уже нет), в 1993 году возведенную здесь Захой Хадид (Захой Хадид, которой до этого самого 1993 года нигде ничего не давали строить, полагая ее в сущности сумасшедшей); уже мы прошли и осмотрели все это, уже постояли и возле идеально белого, идеально круглого, нереально большого производственного цеха — совсем недавнего создания